

Англо-американская политика безопасности на Ближнем Востоке в 1951-1955 гг.¹

Уразов Алексей Михайлович

Московский государственный университет

snaily@list.ru

Окончание второй мировой войны поставило мир перед проблемой построения новой модели системы международных отношений. Уже в первые послевоенные годы в рамках зарождающейся системы международных отношений наметилась тенденция по поляризации мира на два жестко антагонистических лагеря, образованных вокруг США и СССР, с последующим ориентированием всех политических и экономических параметров членов лагеря на одну из сверхдержав.

Период второй пол.1940х - второй пол.1950х гг. в историографии принято считать периодом консолидации биполярной системы международных отношений. Этот этап можно интерпретировать как канализирование конфликтного потенциала т.н. биполярной логики с последующим вынесением противоречий на периферию.

Из латентного фактора в разряд активных перешло национально-освободительное движение, начавшее с середины 1950х гг. претендовать на самостоятельную роль в мировой политике. Накладываясь на магистральный конфликт биполярного мира, антизападное движение добавляло еще большую сложность в процесс приведения в порядок модуса взаимодействия “главных игроков” на периферии системы.

Всплеск национально-освободительного движения сказался на состоянии “конфликтного взаимодействия” США и СССР, эпицентр которого начал смещаться на огромные просторы Азии. Именно там в 1950-е годы стал решаться вопрос: сможет ли какая-либо из двух сверхдержав радикально сломать сложившийся баланс сил. Однако ни одна из сторон на начальном этапе не знала как реагировать на новые реалии региона.

Изучение англо-американской политики на Ближнем Востоке в середине 1950х гг., безусловно, представляет научный интерес. Автор доклада ставит своей целью проследить англо-американскую логику сторон в процессе поиска приемлемой модели региональной безопасности на территории Ближнего Востока, проанализировать саму идею построения регионального оборонного блока, выяснить, какую именно основу организации считали приемлемой в Вашингтоне и Лондоне, и то, какими факторами была обусловлена разница в восприятии региона в целом. Автор рассмотрит процесс эволюции идеи организации системы безопасности на Ближнем Востоке в период 1951-1955 г. Именно в этот период возникает организация Багдадского пакта, ставшая реальным воплощением усилий сторон по созданию системы безопасности на Ближнем Востоке.

Для анализа американской политики в регионе автором были использовано официальное издание Государственного департамента США “Foreign Relations of the United States” за вышеуказанные годы. В сборник включены доклады и служебные записки послов в каждой из арабских стран.

¹ Автор выражает признательность профессору, д.и.н. Манькину А.С. за помощь в подготовке тезисов, сотрудникам ИДД МИД РФ за помощь в поиске материалов для исследования.

Таким образом, представляется возможным дать критический анализ записок, а также получить информацию о специфике внутривластной обстановки в каждой из стран региона. Автор привлекает к анализу приложение к официальным изданиям Госдепа США – “Foreign Policy Bulletin”, в котором публикуются текущая аналитика и важнейшие документы по внешней политике по мере их поступления.

Анализ внешней политики Великобритании автор проводил, используя систематизированные тематические сборники документов по внешней политике Великобритании в 1950е гг. В них представлен широкий спектр документов по разным проблемам взаимоотношений Великобритании с другими субъектами международных отношений на Ближнем Востоке. Однако, недостатком этих сборников является невольная фрагментарность источниковедческой базы, представленной в них.

Большую ценность для изучения проблемы безопасности имеют документы ЦРУ, опубликованные в соответствии с FOIA. Эти документы были предназначены для информирования президента и членов Совета по Национальной Безопасности и посвящались, как правило, наиболее важным проблемам, стоявшим перед США. Особые мнения различных ведомств, приложенные к основному документу в ходе его обсуждения, позволяют сделать вывод об отличиях в позициях, которые занимали разные правительственные структуры.

Автором были привлечены периодические издания политической и экономической проблематики США и Великобритании, а также специализированные научные журналы, посвященные проблемам Ближнего Востока.

Отдельный класс источников по теме представлен мемуарами, дневниками и личной перепиской первых лиц США и Великобритании. Автор анализирует мемуары английского главы Форин-офиса, и впоследствии премьер-министра Э.Идена, а также мемуары президента США Д.Эйзенхауэра. Именно эти политики занимали высшие государственные посты и лично принимали важнейшие решения, что обуславливает их ценность. Автором привлекаются для анализа личная переписка премьер-министра Великобритании У.Черчилля и американского президента Д.Эйзенхауэра. Именно здесь основные проблемы англо-американских отношений того периода предстают как нигде остро и живо. Автор использует мемуары специального помощника в иракском кабинете В.Гальмана.

Подытоживая источниковедческий очерк, можно сказать, что источниковедческая база исследуемой темы представлена достаточно хорошо и разнообразно касательно и США, и Великобритании.

Историография вопроса межгосударственных взаимоотношений на территории Ближнего Востока весьма обширна. Нужно сказать о том, что такое положение вещей говорит о стойком научном интересе к этому вопросу на протяжении уже 50 лет. Работы, использованные автором доклада, представляют как отечественную традицию, так и образцы американской, и, в первую очередь английской традиции освещения этого спектра проблем.

При анализе все труды можно условно разделить на несколько групп по той проблематике тем, которая в них освещается. Это – работы, посвященные региональным проблемам, и работы, посвященные исключительно аспекту англо-американской политики на Ближнем Востоке и спектру проблем, связанному с их дипломатической активностью. Резюмируя вышесказанное,

следует заметить, что в историографии вопроса превалирует “западоцентричность” в постановке исследовательских вопросов и в их освещении. В определенном смысле, это недостаток историографии конкретного вопроса.

Хорошим примером противоположного подхода к освещению политического процесса на Ближнем Востоке 1950х стала обширная статья К.А.Белоусовой², посвященная проблеме т.н. “неоколониализма” в региональной политике США и Великобритании. Автор статьи рассматривает действия западных держав под углом их взаимной борьбы по установлению гегемонии в регионе. Но К.А.Белоусова в своём анализе изначально исходит из автохтонности ближневосточных проблем, которые породили арабский национализм, нассеризм и открыли поле для политической и военной борьбы большого числа заинтересованных сторон.

Ведущим специалистом по проблеме Ближнего Востока в 1940х-1950х гг. в отечественной историографии по праву считается М.Я.Пелипась. В своих работах по проблемам послевоенного Ближнего Востока и политики западных держав М.Я. Пелипась вводит четкое разделение кризисных явлений на Ближнем Востоке на явления, обусловленные арабо-израильским конфликтом и политикой панарабизма, вышедшей на авансцену региона в начале 1950х гг.³, а также ставит в отечественной историографии вопрос о характере англо-американских действиях на Ближнем Востоке в 1950х гг.⁴.

Исключительную ценность для раскрытия темы данного исследования представляет статья японского исследователя Т.Онозава⁵. В ней освещаются дипломатические манёвры США и Великобритании в конце 1940х – начале 1950х гг., что формально выходит за временные рамки нашего исследования, однако, не проанализировав предысторию развития процессов на Ближнем Востоке в начале 1950х гг., нельзя понять события середины - конца 1950х гг. Т.Онозава защищает точку зрения о предопределенности действий США и Великобритании в середине 1950х гг., так как основы западной политики на Ближнем Востоке были заложены ещё в конце 1940х гг.; советское проникновение и нассеризм усугубили положение западных стран, поставив их перед жестким выбором тактики своих действий.

Знаковыми в английской историографии являются работы известного английского историка Р.Овендейла⁶. Притом, что Овендейл базирует свои выводы исключительно на английских источниках, автор приходит к глубоким выводам о сущности англо-американских “особых отношений” в 1950х гг. Овендейл доказывает, что союзники *de facto* находились в неравном положении, из чего следует вывод об односторонности сотрудничества и наличии элемента

² Белоусова К.А. Последствия неоколониальной политики США в Иордании, Сирии и Ливане во второй половине 1950х // Родригес А.М., Белоусова К.А., Киселев К.А., Шахов А.С. Арабские страны Ближнего Востока. История и современность, М., 2000.

³ Пелипась М.Я. Экспансионистская политика США и Англии на Ближнем Востоке в 1947-1952 гг., М., 1989, С.16.

⁴ Он же. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945 – 1956 гг. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003, С.23.

⁵ Onozawa T/ Formation of American Regional Policy for the Middle East, 1950-1952: The Middle Eastern Command. Concept and Legacy // Diplomatic History, Vol.29, №1, Jan.2005.

⁶ Owendale R. Egypt and the Suez base agreement // The foreign policy of Churchill’s peacetime administration (1951-1955), Leicester, 1988; Ibid. British defense policy since 1945, Manchester-New York, 1994. (Documents and contemporary history); Ibid. The English-speaking alliance: UK, USA (1945-1951), N.Y., 1987.

“навязывания” со стороны США. События международных отношений на Ближнем Востоке в 1950х гг. явственно свидетельствует о правомерности этого тезиса.

По мнению автора доклада, при наличии огромного массива историографии по вопросу нашего исследования подавляющее меньшинство из этих работ представляет научную ценность и адекватно отвечает видению проблем современных международных отношений. Лучшие из доступных работ были представлены автором в очерке историографии.

Принципиальным моментом, по мнению автора, является фактическое отсутствие работ по проблеме построения региональной англо-американской модели безопасности на Ближнем Востоке. Между тем, эта страница истории требует детального анализа и осмысления.

Поиск модели региональной безопасности на Ближнем Востоке.

Поиск английской и американской стороной формулы региональной безопасности на Ближнем Востоке имел место еще с конца 1940х гг. Однако, в тот момент действия США и Великобритании не имели системного характера. Во многом, это было обусловлено общемировой политической конъюнктурой. Внешнеполитическое видение Вашингтона и Лондона стало меняться, как только система международных отношений вступила в фазу устойчивого развития, что сопровождалось серией локальных военных конфликтов на территории Юго-Восточной Азии. Для США именно начало войны в Корее стала тем “первым экзаменом”, повлиявшим на логику американского истеблишмента, поставив его лицом к лицу с новой мировой политической реальностью, где игра с нулевой суммой не оставляла другой альтернативы как только заполнить образовавшийся “вакуум силы”. Для Великобритании события в Юго-Восточной Азии послужили примером того, как некогда подконтрольные Западу страны быстро революционизируются, ставя под вопрос правомерности присутствия на их территории сил бывшей метрополии.

Британский опыт создания системы безопасности на Ближнем Востоке в конце 1940х гг. не увенчался успехом. Главной проблемой стратегических построений Лондона в тот период являлась опора исключительно на собственный военный потенциал. Однако, не имея соответствующих сил по поддержанию ситуации на Ближнем Востоке, в британских истеблишмент осознал необходимость более действенного вовлечения США в политические процессы в арабском мире Ближнего Востока.

Исходя из тактических расчётов о советском сухопутном вторжении, британский Генштаб разработал план, согласно которому “кризисная дуга” обороны Ближнего Востока проходила по территории т.н. Внешнего кольца обороны, включавшего территорию юго-востока Турции, гор Загроса и Бандор Аббаса. Однако сил армии Её Величества было достаточно лишь для обороны т.н. “линии Рамаллы”, возникшей как военно-политическая реальность в ходе арабо-израильского конфликта 1948-1949 гг. Дабы компенсировать нехватку военных сил, британские стратеги предполагали привлечь части ВВС США для контроля над нефтеносными областями Персидского залива.⁷

Официальный Вашингтон отклонил планы по созданию линии военной обороны вдоль “дуги кризиса”, т.к. план de facto подразумевал решение

⁷ Owendale R. British defense policy since 1945, Manchester-New York, 1994. (Documents and contemporary history), p.193-196.

английских тактических целей за счёт американского военного присутствия. По мнению Вашингтона, опорой англо-американского присутствия в регионе должна была стать Турция, а не Египет, как это виделось в Лондоне. Вместе с тем, американская сторона ввиду событий в Корее, не собиралась отвергать саму перспективу проникновения на Ближний Восток для защиты интересов “Свободного мира”.

В конце 1950 г. Объединенное Командование Национальных Штабов (далее ОКНШ – *A.V.*) разработало т.н. план “Серп”, согласно которому к 1 июля 1954 года на территории Западной Евразии должна была быть сформирована дуга обороны, проходящая по линии Осло-р.Рейн-Альпы-Адриатическое море-о.Крит-Турция-Персидский залив⁸. На территории Ближнего Востока эта дуга совпадала с британским планом “Внешнего кольца обороны”. Американские силы по замыслу его создателей не должны были участвовать в обороне этой линии. Тактические задачи должны были решать войска Великобритании, Турции, Ирана, Ирака, а с момента “Д+3”, т.е. с 1 октября 1954 года оперативные возможности должны были быть расширены за счёт сил Австралии и Новой Зеландии.⁹

Но уже к началу 1950х гг. военный подход к решению проблемы безопасности на Ближнем Востоке перестал быть всецело довлеющим. Становилось понятным, что военная мощь в чистом виде не может дать адекватного результата¹⁰.

Сторонником более тонкого подхода к политике США на Ближнем Востоке стал глава Ближневосточного и Африканского отдела Государственного департамента США Дж.Макги, говоривший о чуткости в выборе регионального автохтонного партнёра. В то же самое время, сам Макги в феврале 1951 г. на пресс-конференции глав дипломатических миссий США, состоявшейся в Стамбуле, прямо говорил о том, что “Ближний Восток, безусловно, является второстепенным театром по сравнению с Европой”, где США должны действовать “малыми силами, но суметь создать картину того, что США жизненно заинтересованы в Ближнем Востоке” стремятся создать модель региональной безопасности на взаимовыгодных для всех региональных игроков условиях.¹¹

С 1951 года во внешнеполитическом анализе стал преобладать системный подход, развивающий проблемы региона как целостной военно-политической общности. Вторая важная деталь заключалась в том, что Дж.Макги стал говорить в слух о Турции, как о стране, “тяготеющей к арабскому Ближнему Востоку”, а греко-турецкий барьер в Вашингтоне стали рассматривать как связующее звено между европейской структурой на базе НАТО и зарождавшейся моделью ближневосточной безопасности. Третья принципиальная черта заключалась в том, что в публичных речах Дж.Макги допускал и считал нужным начало активного проникновения США в регион.

Основой для стратегических построений зарождавшейся модели региональной безопасности стал план “Внешнего кольца обороны”, который

⁸ FRUS 1950, vol.V, The Near East, South Asia and Africa (1950), 1978, p.242

⁹ Что обеспечивалось за счет сил образованного в сентябре 1954 г. Манильского пакта, военно-политический потенциал которого закладывался в перспективу при разработке американской стороной своих стратегических планов.

¹⁰ Onozawa T. Formation of American Regional Policy for the Middle East, 1950-1952: The Middle East Command. Concept and Legacy // Diplomatic History Vol.29, №1, Jan.2005, p.125.

¹¹ Onozawa T. Ibid. p.125.

покрывал “линию Рамаллы”, чего требовала британская сторона. Региональными партнерами предполагалось избрать Турцию и Пакистан. Командные функции должны были принадлежать британским военачальникам. Американская сторона в таком случае сознательно отстранялась от военных обязательств. Эта модель ближневосточной безопасности в дальнейшем получила название “Ближневосточное командование”. Стороны выработали соглашение по созданию Объединенного Верховного Командования Ближнего Востока, которое входило в ведение Британской стороны.¹²

Участвуя в создании новой модели безопасности на Ближнем Востоке США преследовали двуединую цель: с одной стороны, цель регионального порядка, т.е. создание механизма контроля над странами региона, но, с другой, - цель глобальная, а именно создание непрерывной оборонной цепи региональных блоков, аффилированных с НАТО. Связующим звеном в этой логической схеме должна была стать Турция, имевшая статус кандидата на вступление в блок с сентября 1951 года. ОКНШ и Госдепартамент стали рассматривать Турцию как стратегического партнёра США в рамках НАТО и проводника американских интересов на Ближнем Востоке.¹³

В Лондоне опасались, что принятие Турции в НАТО может привести к “размытию” смысла Ближневосточного командования, где Турция должна была стать одним из системообразующих элементов. Ориентация Турции на проблемы безопасности юга Европы в рамках членства в НАТО неизбежно, по мнению англичан, означало решение проблем за счет пренебрежения их интересами на Ближнем Востоке.

В конце августа 1951 года стороны пришли к решению о параметрах Ближневосточного командования. Блок должен был быть учрежден при участии США, Великобритании, Франции и Турции и нескольких членов Британского Содружества. С целью усиления стратегической обороны Ближневосточное командование должно было войти в подчинение командованию НАТО. В рамках Ближневосточного командования должен был быть образован Совет по Совместной Оборонной политике, целью которого было повышения уровня политического сотрудничества в рамках блока.¹⁴

Дополнительные сложности в процессе создания Ближневосточного командования возникли в июне 1951 года, когда в патовую ситуацию зашли англо-египетские переговоры о пересмотре соглашения 1936 года, дававшего Англии право на военное присутствие на территории Египта. Другим решением англо-египетского спора могла стать мера по включению Египта в новый Ближневосточный пакт на условиях многостороннего договора, страны-участницы которого автоматически выступали и как гаранты присутствия Великобритании в районе Суэца.

15 августа 1951 года министр иностранных дел Великобритании Г.Моррисон обратился в телеграмме к Госсекретарю США Д.Ачесону с просьбой поддержать британскую инициативу по включению в Ближневосточное командование Египта на правах полноправного члена.¹⁵ В ответном письме Д.Ачесон положительно отозвался о такого рода перспективе. Новая британская инициатива органично вписывалась в видение проблем

¹² FRUS vol.V, The Near East and Africa (1951), 1982, p.94-95.

¹³ Onozawa T. Ibidem p.128

¹⁴ FRUS 1951,V, p.568-574.

¹⁵ Ibid 1951, V, p.173-175

главами ближневосточных департаментов Госдепартамента, выступавших за расширение количества участников Ближневосточного командования.

Под воздействием объективных процессов на территории Ближнего Востока и благодаря поддержке американских дипломатических кругов идея Ближневосточного командования претерпела важнейшую трансформацию. Идея исключительно военного блока с США, Великобританией, Францией и Турцией была заменена идеей военно-политического блока с широким участием региональных лидеров. Совет по Совместной Оборонной политике, существовавший в изначальном проекте как консультативный комитет в составе Военного командования теперь фактически заменил его, наполнив Ближневосточное командование новым политическим содержанием.

Между тем, ситуация вокруг пересмотра англо-египетского договора 1936 года развивалась в негативном для Великобритании ключе. 8 октября египетский премьер-министр Нури Паша подписал указ о расторжении англо-египетского договора 1936 года. В срочном порядке министерства иностранных дел США, Англии, Франции и Турции послали в Каир телеграммы с приглашением египетской стороны стать участником Ближневосточного командования на правах полноценного члена.¹⁶ 15 октября Египет ответил официальным отказом присоединиться к схеме, рассматривая её как “увековечивание английской оккупации”¹⁷.

Параллельно этому процессу подходили к завершению переговоры о вступлении в НАТО Турции и Греции. Однако на финальной стадии турецкая сторона выступила с требованием включения её сил в Европейское командование сил НАТО, отказавшись от членства лишь в Ближневосточном командовании.

В конечном итоге, судьбу плана по созданию регионального блока, названного Ближневосточным командованием предрешила общемировая политическая конъюнктура. Логика “холодной войны” не давала США возможности долгих переговоров для удовлетворения всех сторон. Задача образования линии стратегической обороны на протяжении всей западной и южной границы с СССР стояла несравнимо выше в шкале внешнеполитических приоритетов Вашингтона, чем задача создания пакта региональной безопасности на Ближнем Востоке.

В декабре 1951 года американская политическая элита окончательно пришла к выводу о том, что английские и турецкие притязания не могут быть приведены к компромиссу. В феврале 1952 года Совет НАТО официально принял Турцию и Грецию в Северо-Атлантический блок, отнеся войска этих стран к Южному командованию НАТО.¹⁸

Неудача в практическом воплощении плана создания Ближневосточного командования не сняла с повестки дня сами проблемы региона. Серия дипломатических неудач США в политическом урегулировании англо-иранского (1952-1954 гг.) и англо-египетского (1951-1954 гг.) споров явственно говорили о необходимости выработать более совершенные механизмы регуляции в регионе. В опубликованном 17 марта 1952 года докладе ЦРУ о проблемах Ближнего Востока говорилось о том, что “гарантией успешного

¹⁶ Ibid 1951, V, p.209-210

¹⁷ Ibid p.211.

¹⁸ FRUS 1951, V, p.725-726

военно-политического построения в регионе может стать ориентация на одного из региональных лидеров, Египет или какую-либо другую страну”¹⁹.

К ноябрю 1952 года Госдепартамент и ОКНШ выработало единое мнение о том, что США должны начать играть гораздо более активную роль в Ближневосточном регионе. Новое видение делало упор на сотрудничество с региональными державами, как в военном, так и в политическом аспектах.

Британская сторона в ряде телеграмм первой половины 1952 года высказывала соображения, которые противоречили американскому видению проблем региона. Главный пункт, по которому разнились взгляды сторон, заключался в вопросе о включении в члены новой оборонной структуры других стран региона, помимо Турции. Вторая точка расхождения заключалась в проблеме первичности военной составляющей, о которой говорила британская сторона. Третьим пунктом расхождения мнений был вопрос о подчинении создаваемой Ближневосточной оборонной организации непосредственно НАТО или же её организации по принципу автономности управления.²⁰

Водоразделом в истории взаимоотношений стран Запада на территории Ближнего Востока стала Египетская революция июля 1952 года. Официально провозгласив себя новой политической властью, революционная организация “Свободных офицеров” встала на нейтралистские позиции. Однако, не взирая на лозунги, ген. Нагиб вскоре обозначил свою убежденность относительно неизбежности вывода войск Великобритании из зоны Суэца и решения проблемы Судана²¹.

Ко второй половине 1952 года Великобритания начала пересмотр провозглашенного еще в январе 1947 г. принципа “трех столпов” во внешней политике²². Ближнему Востоку теперь стал занимать второе после Европы место в иерархии внешнеполитических приоритетов Великобритании. В региональном масштабе английские стратеги выдвинули идею ориентации на Ирак, Иорданию и страны Леванта. В терминах военного планирования это означало, что отныне Великобритания присоединялась к тактическому плану Внешнего кольца обороны.²³

Однако новая администрация республиканцев, пришедшая в Белый дом в январе 1953 г., не хотела спешить с созданием Ближневосточной Оборонной Организации. Июльская революция в Египте обозначила переход всего региона в иную политическую реальность. 5 октября в письме из Белого дома американская сторона проинформировала Даунинг-стрит о том, что в связи с революционными событиями в Египте, она не считает более правомерным рассматривать Ближневосточную Оборонную Организацию планом, воплотимым в реальности.²⁴

¹⁹ CIA Report on The Current Situation in North Africa, P.4, См..

http://www.foia.cia.gov/browse_docs.asp?

²⁰ FRUS vol. IX, The Near and Middle East (1952-1954), 1986, p.271-274.

²¹ The Middle Eastern Journal, Oct.1952, p.239

²² Внешнеполитическую линию “трех столпов” Британского Содружества подразумевала оборону Британских о-ов и национальной безопасности Великобритании, охрану морских коммуникаций как гарантии экономической стабильности и сохранение Ближнего Востока в зоне английского влияния. См. British interests in the Mediterranean and Middle East /A report by Chatam house group, Oxford, 1958, p.18.

²³ British interests in the Mediterranean and Middle East/ A report by Chatam house group, Oxford, 1958, p.98

²⁴ FRUS 1952-1954, IX, p.350-352.

В качестве новой логики работы с ростками национализма на Ближнем Востоке в Вашингтоне предлагали многосторонний подход к проблеме, имевший своей целью вписывание динамики регионального национализма в западный сценарий; проблему мер прямого противостояния арабскому национализму в тот момент в Вашингтоне даже не поднимали.²⁵ Главное, что уже в тот момент поняли в Вашингтоне, это недопустимость разделения явлений “холодной войны” и т.н. явлений “горячей” войны²⁶, к которой можно было отнести арабо-израильский конфликт.

Создание организации Багдадского пакта.

В период с 11 по 27 мая 1953 года новый Государственный секретарь США Джон Фостер Даллес совершил дипломатическое турне по странам Востока, которое включало Египет, Израиль, Иорданию, Сирию, Ливан, Ирак, Саудовскую Аравию, Индию, Пакистан, Турцию, Грецию, Ливию. Целью поездки было объявлено более конкретное изучение региональных проблем²⁷.

В ходе одного из визитов Даллес сделал заявление, которое отражало видение Госдепартаментом проблем Ближнего Востока в тот момент: “Ближневосточное командование <...> является скорее делом будущего. Страны-члены Арабской лиги так поглощены своими спорами с Израилем, Великобританией и Францией, что перестали помнить о возможности внезапного советского проникновения в регион. Между тем почва для опасений существует”.²⁸ Даллес подчеркнул, что работа на предыдущем этапе показала нечеткость в артикуляции самого замысла. В связи с этим, резюмировал Госсекретарь, США берут на себя обязательства работать с оборонными инициативами на уровне региона²⁹.

По окончании своего турне Дж.Ф.Даллес высказал мысль о построении нового регионального блока, названного Северным Ярусом Обороны. Даллесом была озвучена инвентивная формула безопасности на Ближнем Востоке, гарантом которой должны были выступить Турция и Пакистан при участии США. Также оговаривалось условие дальнейшего расширения блока за счёт Сирии и Ирака.³⁰ Новый блок должен был быть основан на союзническом пакистано-турецком договоре (подписан в апреле 1954 г.) и должен был охватить гораздо более широкий, чем Ближний Восток регион, а именно часть Южной и Центральной Азии.

Идея создания Северного Яруса затрагивала сразу несколько пластов международных отношений в Азии.

На региональном уровне план Даллеса касался, в первую очередь, проблемы выделения ближневосточного лидера, на которого западные державы могли бы ориентироваться для дальнейшего выстраивания более сложной модели безопасности.

Турция после вхождения в НАТО Турция стала рассматривать себя как “уполномоченного Западом” в решении принципиальных вопросов региона.

²⁵ Ibid. p.364-371.

²⁶ В англоязычной историографии в качестве антонима к понятию “холодная война” применяются термины “hot war” или “shooting war”.

²⁷ The Middle East Journal, Summer 1953, Vol.7., №3, p.349.

²⁸ Foreign Policy Bulletin, June 1953, p.8.

²⁹ Ibid p.8.

³⁰ FRUS 1952-1954, IX, p.384.

Участие Пакистана с создаваемом Северном Ярусе Обороны также было вполне логичным. Будучи крупной мусульманской страной на территории Южной Азии, Пакистан также испытывал патерналистские чувства по отношению к своим соседям по Центральной Азии и Ближнему Востоку. В отличие от Турции, Пакистан испытывал трудности экономического характера, которые в конечном итоге привели к попаданию Пакистана в внешнеполитическую орбиту Вашингтона. Продовольственный кризис 1952-1953 гг. был смягчен американской экономической помощью. Политической базой для американского влияния на Пакистан стали предварительные американо-пакистанские переговоры о заключении военного договора, подписанного в конечном итоге 25 февраля 1954 года.

По сути, план Даллеса пересматривал существовавшую иерархию стран в регионе, ставя перед каждым государством сложный вопрос нового самоопределения.

Но самым важным вопросом в данном случае была реакция Египта. План Даллеса по созданию Северного Яруса Обороны объективно пересматривал существовавший на протяжении второй половины 1940х-нач.1950х гг. план радиальной обороны вокруг баз в районе Суэцкого канала (т.н. “Большое кольцо”), замещая его новой северной зоной стратегической обороны. Появившись как альтернатива Суэцкой системе обороны в регионе, план Даллеса ориентировался на региональные государства, проводя черту размежевания на два лагеря: формально прозападный и панарабистский. В подтверждение этих слов министр иностранных дел Египта Мухаммед Фавзи заявил, что “все эти меры направлены против Египта”³¹. Но точка зрения министра иностранных дел Египта не была выражением коллективного мнения правящей верхушки Египта. В марте того же года Г.А.Насер сделал заявление, в котором подчеркнул, что “он склонен рассматривать новый турецко-пакистанский договор как положительный шаг на пути пресечения коммунистической угрозы в регионе”; вместе с тем, Насер считал для Египта неактуальным включение в блок до тех пор, пока не будет решен вопрос о пребывании англичан на территории военных баз в районе Суэца³².

План создания Северного Оборонного Яруса нес новые элементы и для политики Великобритании в регионе. Во-первых, план Даллеса распространялся на “святая святых” внешнеполитической системы Англии - на Британское содружество. Испытывая и без того массу сложностей в послевоенных отношениях с бывшими странами доминионами, Англия встретила с неожиданным сюрпризом со стороны своего союзника по “англоязычному союзу”³³.

И действительно, США, преследуя цель обороны ближневосточного региона, выбрали такое решение, которое грозило Великобритании невольным умножением проблем и противоречий в рамках Британского Содружества, а также замораживанию англо-египетских противоречий по вопросу баз в районе Суэца.

В терминах стратегического планирования план Северного Яруса Обороны противоречил английскому видению модели региональной безопасности на Ближнем Востоке. Исходя из соображений о принципиальной важности Суэцкого канала, британские стратеги упорно старались выстроить

³¹ The Times, Mar., 23, 1954.

³² The Middle Eastern Journal, Autumn 1954, vol.8, №3, p.259.

³³ New York Times, 2 June, 1953.

линию стратегической обороны так, чтобы район Суэца был в зоне её непосредственного покрытия. Именно в это время Министерство Обороны Великобритании публикует доклад “Оборона Ближнего Востока”³⁴, основой которого является принцип кругообразной обороны, эпицентром которой является именно зона английских баз в районе Суэца. План Даллеса предлагал принцип альтернативных оборонных колец, не предусматривающих включение в них зоны Суэцкого канала³⁵.

В сложившихся условиях Лондон никак не собирался терять свои позиции в регионе. 6 января 1954 года Форин-офис направил в Вашингтон телеграмму, которая содержала ряд вопросов по поводу американского проблемы создания Северного Яруса Обороны. В ответном письме помощник главы департамента Ближнего Востока, Южной Азии и Африки Джирниган высказал мысль о том, что пакистано-турецкий договор апреля 1954 года является, по мнению Госдепартамента, хорошей базой для создания более широкой оборонной организации при включении в последнюю также Ирана и Ирака.

Заинтересованность Великобритании в новой инициативе Даллеса прямо говорила о том, что Лондон не исключает никаких возможных вариантов военно-политического присутствия в регионе, официально оставаясь приверженным принципу Суэцкой модели безопасности. К рассмотрению нового плана Лондон подталкивали неудачно складывавшиеся англо-египетские переговоры о военных базах в районе Суэца, которые У.Черчилль называл “ближневосточным патом”³⁶.

Начав с проведения консультаций на дипломатическом уровне, Лондон приступил к зондированию вопроса о его участии в создаваемой организации. Первый запрос был направлен в Анкару в январе 1954 года. Турецкая сторона дала достаточно сдержанный ответ, заявив, что Великобритания, безусловно, может принимать участие в консультативных совещаниях в процессе создания блока.³⁷

Предвосхищая эту линию Великобритании, США также выступили с аналогичной инициативой, заявив 23 января того же года, что “цель создания *modus vivendi* в отношениях с Великобританией, Францией и США по вопросу создания Северного Яруса Обороны является главной целью Вашингтона”³⁸.

Уже на предварительной стадии создания Северного Яруса Обороны, трансформировавшегося в последствие в организацию Багдадского пакта, Вашингтон избрал для себя тактику лавирования между интересами всех заинтересованных сторон с тем, чтобы в итоге решить свои проблемы стратегического характера.

³⁴ FRUS 1952-1954, p.259.

³⁵ В дополнение к вышесказанному сравним тысячакилометровый радиус зоны охвата оборонного кольца с центром в районе Суэца – это зона Хартума (Судан), Стамбула (Турция), Басры (Ирак), Бенгази (Ливия) всего Восточного Средиземноморья и части Красного моря. Оборонные кольца, образованные, Турцией и Пакистаном в качестве их центров, суммарно покрывают территорию Будапешта, Днепропетровска, Харькова, Волгограда (Сталинграда), Баку, Ташкента, Алма-Аты, бассейна р.Дон, р.Донец, р.Днепр, а также территорию Дели и Бомбея, т.е. большая часть территории покрытия – это стратегически важные нефтеносные и газоносные территории СССР; эти же территории рассматривались ОКНШ как зона начала советского проникновения на Ближний Восток. См. Foreign Affairs, Aug. 1953, p.12.

³⁶ The Churchill-Eisenhower correspondence, 1953-1956, North Carolina, 1990, p.33.

³⁷ FRUS 1952-1954, p.459.

³⁸ Ibid p.460.

Вторая половина 1954 года прошла под знаком налаживания связей между участниками будущего блока – Турцией, Пакистаном, Ираком и Ираном.

Инициатива исходила от самих будущих участников. В докладе посла США в Турции Уоренна говорилось о том, в сентябре 1953 года генерал-майор А.Хан, командующий сухопутными войсками Пакистана и министр обороны Пакистана И.Мирза сделали заявление, в котором говорили о том, что видят будущий Северный Ярус Обороны как союз Турции, Пакистана, Ирака и Ирана. Однако, по их мнению, окончательное решение о создании блока не может быть принято без санкции Вашингтона.

В центре внимания Вашингтона оказывается притягивание Ирака к новой оборонной схеме. Еще в апреле 1953 года на Лондонской встрече премьер-министр Турции Мендерес провёл переговоры с принцем Нури Саидом о перспективах возможного присоединения Ирака к Северному Ярусу Обороны³⁹.

Лидеры четырех держав были убеждены в том, что гарантийной базой для Северного Яруса Обороны должна была стать экономическая и военная помощь со стороны США. Эта перспектива вписывалась в видение Вашингтона, считавшего, что именно финансовые дотации смогут крепко привязать страны-участницы Северного Яруса Обороны к выполнению американских стратегических планов⁴⁰.

После завершения фазы концептуализации нового блока предварительный текст пакистано-турецкого договора появился в документации Госдепартамента уже в феврале 1954 года⁴¹. 2 апреля 1954 года между пакистанской и турецкой стороной был подписан договор о сотрудничестве. Наряду с пунктами о мирных намерениях сторон, в тексте договора содержалась поправка о том, что договор является открытым для присоединения третьей дружественной Пакистану и Турции стороне⁴².

Дабы избежать через чур стремительного развития событий в регионе, Великобритания порекомендовала Ираку воздержаться от поспешного присоединения к пакистано-турецкому договору, что могло вызвать негативную реакцию в Каире.⁴³ США также порекомендовали иракским властям повременить с присоединением, до тех пор, пока пакистано-турецкому договору не будет предан нейтральный имидж в глазах ближневосточных элит⁴⁴.

Таким образом, с подписанием турецко-пакистанского договора был институционально закреплён стремительный процесс перегруппировки сил на Ближнем Востоке 1950х гг.

Незадолго до подписания пакистано-турецкого договора точку в долгом дипломатическом споре между Англией и Египтом поставило соглашение о выводе английских войск из зоны Суэцкого канала, прелиминарный вариант которого был подписан 27 июля 1954 года. Вывод войск должен был проведен в течение 20 месяцев.⁴⁵

В локальном масштабе такой исход событий стал серьезным элементом, подрывающим положение Великобритании в регионе.

³⁹ Ibid p.387.

⁴⁰ Ibid p.404-405.

⁴¹ Ibid p.480.

⁴² The Baghdad Pact. Origins and political setting., London,1956, p.4.

⁴³ The Times, 21 April, 1954.

⁴⁴ FRUS 1952-1954, p.492.

⁴⁵ The Middle Eastern Journal 1954, Vol.8, p.446.

В одном из частных писем У.Черчилля президенту США Д.Эйзенхауэру английский премьер-министр пишет: "Мы дошли до той точки, когда нам уже не страшен ни Нагиб, ни мы сами"⁴⁶.

Англо-египетский договор июля-октября 1954 года можно считать знаковым для английской внешней политики в регионе. Именно с момента его подписания Англия начинает поиск новых путей сохранения статуса в регионе, что на практике означало вписывание своих внешнеполитических стремлений в новый ближневосточный контекст, в котором события уже начинали развиваться по американскому сценарию.

Вашингтон в этот период в первую очередь интересовали условия военных соглашений с Пакистаном и Ираком. Военный договор с Пакистаном США подписали 19 мая 1954 года⁴⁷, аналогичный договор с Ираком был подписан 21 августа того же года.⁴⁸ Договор с Ираком имел более важное для Вашингтона значение, в первую очередь, с точки зрения заполнения "вакуума силы" на территории между Турцией и Пакистаном. Хотя официальный Вашингтон предостерег Ирак в июле 1954 года от поспешных шагов по присоединению к создаваемому Северному Ярусу Обороны, по дипломатическим каналам прямое предложение вступить в новый блок прозвучало от посла США в Ираке Берри ещё 17 февраля 1954 года, т.е. ещё до подписания официального пакистано-турецкого договора⁴⁹.

Таким образом Вашингтон de facto создал предпосылки для расширения количества участников Верхнего Яруса Обороны до трёх государств. Включение Ирака во внешнеполитическую орбиту США объективно соответствовало плану Дж.Ф.Даллеса по постепенному вхождению в блок представителей арабского Ближнего Востока⁵⁰.

США посчитали невозможным ждать развития событий по другому, нежели им хотелось, сценарию. Вашингтон и Лондон усиливают давление на Ирак по вопросу о его официальном присоединении к пакистано-турецкому соглашению 1954 года с перспективой дальнейшего создания полноценной региональной военно-политической организации.

Как и на первом этапе создания блока, т.е. в период подготовки пакистано-турецкого договора, Вашингтон предпочёл действовать посредством активного вовлечения в свои планы Турции.

В январе 1955 года турецкий премьер-министр Аднан Мендерес совершил официальный визит в Багдад. На встрече были подняты четыре группы вопросов: непосредственные условия будущего договора, сроки его действия, транзит войск и вооружений, проблема дальнейшего расширения блока. В конце переговоров было заявлено, что стороны планируют подписать в краткосрочной перспективе договор о взаимной безопасности.⁵¹

Также в финальном коммюнике был затронут принципиальный вопрос – стороны обращались к Великобритании и США с предложением о сотрудничестве на аналогичных условиях.

⁴⁶ The Churchill-Eisenhower correspondence, 1953-1956, North Carolina, 1990, p.33

⁴⁷ Documents and speeches on Commonwealth Affairs, 1952-1962, ed. by N.Mansergh, A.D.Lift, Oxford, 1963, p.440-443.

⁴⁸ FRUS 1952-1954, p.493, p.513.

⁴⁹ Ibid p.486.

⁵⁰ Eisenhower D.D. Mandate for change (1953-1956), N.Y., 1963, p.150.

⁵¹ Rain B.H. The "Northern Tier" and the Baghdad Pact // The foreign policy of Churchill's peacetime administration (1951-1955), Leicester, 1988, p.162.

Предложение объективно отвечало интересам Великобритании. Дело в том, что в 1957 году должен был истечь срок англо-иракского соглашения 1937 года о праве пользования Англией военными базами Хаббания и Шуяба. Пересмотр аналогичного договора от 1936 года с Египтом привел к тому, что Англия фактически потеряла свой “бастион силы” в регионе. Потеря политического влияния в Ираке стала бы настоящей катастрофой для политики Англии на Ближнем Востоке. Лондону нужно было срочно “обновить” свой договор с Ираком на любых приемлемых для себя условиях.

Однако, Форин-Офис вместе с тем не питал иллюзий насчет перспектив такого выхода из ситуации. Э.Шакбурк, заместитель Э.Идена по министерству и курировавший ближневосточное направление, высказывал сомнение по поводу вхождения Великобритании в ближневосточный блок без участия в нем Египта⁵²

В Вашингтоне к перспективам турецко-иракского договора отнеслись исключительно положительно. Во-первых, этот договор отвечал концепции Даллеса о постепенном расширении количества членов Северного Яруса Оборона, один из которых обязательно должен был быть представителем арабского мира. Во-вторых, в отличие от Лондона, Вашингтон не видел предпосылок к включению в блок Египта и поэтому не считал нужным прикладывать для этого усилий. И в-третьих, ситуация вокруг Северного Яруса Оборона развивалась таким образом, что блок по своей структуре напоминал организацию Манильского пакта, когда региональному национализму ряда стран было придано антикоммунистическое звучание, а участие США в самом блоке не налагало на них ни финансовых, ни политических обязательств.

На прошедшей 19 января пресс-конференции Дж.Ф.Даллес положительно отозвался о перспективах заключения договора между Ираком и Турцией. Однако в министерском докладе, датируемом 19 января 1955 года, Госсекретарь выразил глубокую озабоченность по поводу включения Ирака в новую систему безопасности, так как, по его мнению, Ирак не располагает на данный момент необходимым уровнем осознания своих планов, а главное, присоединение к блоку Пакистана и Турции Ирака может вызвать серьезное раздражение Израиля⁵³.

В конечном итоге, соглашение между Ираком и Турцией было подписано в Багдаде 24 февраля 1955 года. В историю это соглашение вошло как Багдадский пакт. Турецкую сторону на подписании представляли президент Селал Баяр, премьер-министр Аднан Мендерес, министр иностранных дел Фуад Курпюлю; иракская сторона была представлена королем Ирака Фейсалом II, премьер-министром (принцем) Нури-Саидом, министром иностранных дел Бархуннадином Баш-Аяном. Статья 1 говорила о том, что согласно статье 51 Устава ООН пакт создается с целью поддержания безопасности в регионе. Формулировка статьи 5, посвященной правилам присоединения к соглашению, была составлена таким образом, что *de facto* преграждала путь Израилю по присоединению. В ней говорилось о том, что этим правом обладает лишь государство, признанное обеими сторонами. Согласно статье 6 на базе соглашения Ирака и Турции должен был быть сформирован Постоянный Совет на уровне министров иностранных дел стран-участниц, однако, произойти это должно было тогда, когда число участников блока достигнет четырёх. Пакт объявлялся действительным на протяжении 5 лет, с правом каждого государства

⁵² Ibid p.163.

⁵³ FRUS vol. XII, Near East: Multilateral Relations; Iran; Iraq (1955-1957), 1992, p.9.

на свободный выход из пакта с предварительным условием объявления о своём решении за 6 месяцев⁵⁴.

В истории 1950х гг. на Ближнем Востоке Багдадский пакт февраля 1955 года стал безусловным водоразделом. Если до его подписания независимая линия Египта во главе с Г.А.Насером лишь набирала силу, и египетский лидер не исключал вероятность сотрудничества со странами Запада, включая участие в Северном Ярусе Оборона, то после подписания пакта позитивный нейтралитет обернулся для Запада фактической утратой контроля над действиями Египта с его последующей переориентацией на СССР. В региональном масштабе пакт фактически подписал смертный приговор лидерам Ирака в главе с Нури Саидом. На Ближнем Востоке 1950х гг., наполненном идеями панарабизма, действия Ирака не могли быть интерпретированы никак по-другому, нежели чем предательство.

Для Ирака Багдадский пакт действительно обернулся изоляцией в арабском мире. Теперь Ирак мог двигаться лишь в фарватере действий Запада. 26 февраля, выступая перед палатой Парламента, принц Нури Саид выразил надежду на то, что к пакту присоединятся Иран, Пакистан, Англия и США⁵⁵.

В марте 1955 года Великобритания выразила желание присоединиться к Багдадскому пакту. Новый премьер-министр Великобритании Э.Иден с большим энтузиазмом смотрел на перспективы присоединения к Багдадскому пакту⁵⁶. Иден, в первую очередь, видел в пакте меру по замене соглашения с Ираком от 1930 года. Мотив безопасности как таковой для британского руководителя в тот момент имел меньшее значение⁵⁷.

4 апреля 1955 года Англия подписала договор с Ираком, по своему содержанию ставший заменой договора 1930 года⁵⁸. Согласно новому договору ВВС Великобритании сохраняли за собой право использования баз Хабания и Шуяба. Статья 5 определяла тесное сотрудничество Англии и Ирака “для обороны” территории Ирака, включая подготовку военных кадров. Статья 8 регламентировала оказание прямой военной помощи Ираку со стороны Великобритании в случае вооруженного нападения или угрозы нападения. Великобритания также брала на себя обязательства по сооружению на территории Ирака системы противовоздушной обороны. Вся собственность Великобритании, находившаяся в её владении согласно договору 1930 г. продолжала оставаться у британской стороны⁵⁹.

Важно сказать о позиции, которую заняли США после подписания англо-иракского соглашения. В Госдепартаменте считали, что теперь, когда создана необходимая база из договор Турция с Пакистаном, Ираком и Англии с Ираком, главной целью является “стягивание” этих трех линий воедино при параллельной работе по вовлечению в пакт Ирана.⁶⁰ По мнению экспертов Госдепартамента, США должны продолжать следовать практике “игры на дистанции”, когда все нити управления фактически были в руках США, однако,

⁵⁴ British Foreign Policy: some relevant documents (Jan.1950-Apr1955), Greenwood, 1978, p.116-118.

⁵⁵ Waldemar J.Gallman Iraq under General Nuri. My recollections of Nuri al-Said, 1954-1958, London, p.55.

⁵⁶ Eden A. The Full Circle, London, 1960, p.257.

⁵⁷ FRUS 1955-1957, VII, p.46.

⁵⁸ Parliamentary debates. House of Lords. Official report, Session 1955-1955, 22nd March 1955- 6th May 1955, Vol.192, p.259.

⁵⁹ British Foreign Policy: some relevant documents (Jan. 1950 - April 1955), Greenwood, 1978, p.119-126.

⁶⁰ FRUS 1955-1957, VII, p.21.

одновременно с этим они не несли никаких обязательств, закрепленных документально. В пользу этой тактики говорила и ситуация в регионе. Градус антизападных настроений постоянно повышался, что интерпретировалось, в первую очередь, антибританскими и антиамериканскими настроениями⁶¹.

19 апреля к Багдадскому договору Турции и Ирака присоединился Пакистан. Линия по привлечению Пакистана в Багдадский пакт была подкреплена предложением Пентагона о начале военных поставок в Пакистан. Размер поставок оценивался в общую сумму 170 млн. долл. с ежегодными дополнительными дотациями на поддержание состояния армии и техники в размере 1,5 млн долл. в год⁶². Линию по завершению создания блока должно было осуществить присоединение к пакту Ирана.

11 октября 1955 г. премьер-министр Ирана Хоссейн Ала направил письмо премьер-министру Ирака Нури Саиду, в котором объявлял о присоединении Ирана к Багдадскому пакту. 3 ноября иранское правительство вручило все документы о присоединении к Багдадскому пакту.

Учредительная сессия Багдадского пакта состоялась 21-22 ноября 1955 года в Багдаде. В сессии участвовали от Ирана – премьер-министр Хоссейн Ала, от Пакистана – премьер-министр Чоудхури Моххамед Али, от Турции – премьер-министр Аднан Мендерес, от Ирака – премьер-министр Нури Саид, от Великобритании – министр иностранных дел Гарольд Макмиллан, а также американская делегация военных наблюдателей (адмирал Дж.Кесседи и генерал Ф.Каравей) во главе с послом США в Ираке Шольманом. Председательствовал Нури Саид.

Багдад был определен постоянным местонахождением организации Багдадского пакта, а представитель Ирана Халиди был избран генеральным секретарём пакта⁶³.

Институциональное оформление Багдадского пакта зафиксировало итоги усилий, Великобритании и США, по созданию системы региональной безопасности, которые они прилагали на протяжении второй половины 1940х-пер. половины 1950х при участии некоторых стран региона (речь, в первую очередь, идет о Турции).

Сам состав блока и статус некоторых из его участников стал во многом симптоматичным. Великобритания, встав перед лицом новых политических реалий региона в первой половине 1950х гг., была вынуждена отказаться от части своих привилегий (англо-египетское соглашение 1954 г.), однако, вместе с тем, не потеряла своего регионального статуса, вступив в Багдадский пакт на правах официального представителя англо-американского сообщества. США, исповедуя практику “игры на дистанции” стали непосредственным творцом Багдадской системы безопасности. Организация отвечала именно их первостепенным интересам в регионе. Блок был ориентирован на линию “Северного Яруса Оборона”, на чём изначально настаивали США; членами организации являлись государства, пользовавшиеся поддержкой, в первую очередь, самих Соединенных Штатов. Унилетаризм в действиях Вашингтона привел, в конечном итоге, к усилению центробежных сил на Ближнем Востоке – арабский национализм, распространение коммунизма, усиление Египта в региональном масштабе, размежевание региона на политические группировки.

⁶¹ Ibid p.24

⁶² FRUS 1955-1957, VII, p.148.

⁶³ The Baghdad Pact. Origins and political setting. , London, 1956, p.15

Вступив в Багдадский пакт страны Востока также не остались в стороне от политических выгод. В первую очередь, это касалось Турции. Став членом НАТО, Турция смогла проводить традиционную для неё политику патернализма в регионе, однако, теперь уже с позиции проамериканских сил. Пакистан заручился поддержкой Запада, начав получать вооружение из США. Разрешение “пуштунского вопроса” в отношениях с Афганистаном стало для Карачи лишь вопросом времени. Иран, попав в орбиту политики Запада после свержения Моссадыка, был заинтересован в улучшении отношений с Англией и США. Самым противоречивым факт вступления в Багдадский пакт виделся для Ирака. В результате, Ирак стал изгоем в глазах арабских стран Ближнего Востока; в стране набирало силу националистическое и коммунистическое движение⁶⁴. Создаваясь как организация, нацеленная на поддержание безопасности на арабском Ближнем Востоке, Багдадский пакт, в конечном итоге, имел в своём составе лишь одно арабское государство, что невольно говорило о преобладании американской ближневосточной линии по окаймлению советских границ прозападными военно-политическими блоками, а также по пресечению возможного влияния СССР в регионе.

⁶⁴ FRUS 1955-1957, VII, p.82.